

Серовский «Бродвей» середины XX века.

...По тротуару мимо сквера по улице Льва Толстого идет пионерский отряд. Все, как положено: впереди - вожатый. Идут дружно, шагают в ногу, по двое в ряд. Поют песню:

«Бескозырка!

*Ты подруга моя боевая!
И в решительный час,
и в решительный день
Я тебя, лишь тебя надеваю,
Как носили герои —
чуть-чуть набекрень»...*

Мне завидно и тоже хочется вот так шагать в строю с песней. Но я еще маленький, еще в школу не хожу, а ребята-пионеры - вон какие большие...

...Вниз по направлению к Загородке пылит коляска. Лошадь серая в яблоках, сбруя нарядная, с кистями. В коляске - дяденька. Сидит важно, лицо надутое, смотрит свысока, видно, начальник какой-то...

...Рычит грузовая автомашина. Фары-глаза, решетка радиатора — пасть зубастая. Страшно! Автомобили еще редки, и потому воспринимаются малышней, как живые существа. А эта еще не просто автомашина, а га-зо-ге-не-ра-тор-ная. С бензином в те годы было туговато. Вот и использовали газогенераторы. По бокам кабины укреплены такие черные цилиндры. Внизу - то ли топка, то ли - поддувало...

...Из «Круглой» бежит мальчишка, в руках - кружка, в ней дымится какое-то варево. «Это он из детской столовой дополнительное питание несет», - объясняют старшие...

Смутные отрывочные воспоминания раннего детства, военных и первых послевоенных лет. Все-таки, какая странная это штука - память! Почему именно это, а не что-то другое, может быть более значительное, запечатлелось в мозгу? Ну вот хотя бы песня эта, про бескозырку. Позже я ее, кажется, и не слышал больше. Но точно запомнились эти строки (и только они) и мотив могу хоть сейчас напеть. Улица Льва Толстого. Именно она была в середине прошлого века (как это странно звучит - «прошлый век» о кажется совсем недавнем времени) чуть ли не центральной улицей города. Левая часть ее была сплошь парковой. Сначала парк у 1-й столовой, затем - сквер Дворца культуры, потом ряд больших домов, но и там был небольшой скверик со статуей маленького Володи Ульянова. Кудрявый мальчик в коротких штанишках стоял, опершись о тумбочку с книгами. А далее - сквер Больничного городка

А по правой стороне улицы между большими и малыми домами и домишками - знаменитая «Круглая» (так в народе называли здание в стиле конструктивизма 30-х годов, где помещался ресторан), двухэтажная аптека (впрочем, 2-й этаж был жилым), гостиница...

Гостиница была построена еще где-то в середине 20-х годов. Поначалу она была аж трех- или даже четырехэтажной. Но вдруг начала сыпаться, два этажа убрали. Кстати, с этой реконструкцией, или лучше сказать демонтажом, связана некая отнюдь не смешная история.

Рассказывали, что в те времена великих дерзаний какой-то «новатор» предложил в целях экономии средств или еще чего-то, изменить технологию изготовления кирпича. Технологию изменили. Получили некоторую экономию. И в Надеждинске появились аж два здания (а может, и более?), сооруженные из

таких материалов. Но через какое-то время кирпичи эти, не выдержав нагрузки, стали рассыпаться. В гостинице пришлось уменьшать этажность. Она стала двухэтажной. А другое здание, трехэтажное, долго еще стояло не перекрестке улиц Ключевой и Типографской, стянутое вдоль и поперек железными полосами, чтобы ненароком не развалилось.

Когда построили новую гостиницу, в старое здание переехало немало разных контор и учреждений. В их числе была и наша редакция. Ну, скажу я вам, и весело же было. По крайней мере, в двух или трех кабинетах потолки обрушились через какое-то время. А сколько раз крыша протекала, уж и не счесть. В цокольном этаже гостиницы помещался самый большой в то время магазин, его называли «Старый гастроном» (в отличие от «нового», который ныне «Урал»). И там висел первый телефон-таксофон. Опустить монетку - ответит телефонистка, назовешь номер и... «Позовите, пожалуйста, Ирину... Ир, ты? Ну что, где встречаемся? На углу, на Бродвее. Ну, я жду...».

Ранней весной, когда освобождался тротуар, на улице Льва Толстого на той стороне, что ближе к скверу, появлялись парочки и группы старшеклассников. Это была традиция. Просто гуляли, чинно беседуя, от 1-й линии и до Больничного городка или чуть ближе до Розы Люксембург. Отсюда и «бродвей» - или «Брод..» - от слова «бродить». Ну и, конечно же, не без нью-йоркского флера.

Здесь назначались свидания, совершались знакомства, иногда выяснялись отношения (но это - в сквере и никогда на «Бродвее»). Демонстрировали свои «наряды», критически оглядывая других. Впрочем, какие там наряды! Появились раз в продаже светлые репсовые куртки. Через неделю чуть ли не все парни щеголяли в них. Куртки эти прозвали «инкубаторскими».

Здесь же важно вышагивали представители «комсомольского патруля», придирчиво окидывая взглядом гуляющих - выискивали «стиляг». Как-то услышал — один из «патрульчиков» хвастался: «Берем спичечный коробок и мерим ширину брюк. Если меньше 5 коробков (25 см) - стилига. Штаны по шву распарываем». А надо сказать, что писком моды тогда были брюки-дудочки, светлые плащи (чаще китайские), туфли на толстой микропорке. И мы штаны свои ушивали, кто как мог. Впрочем, сам ни разу не наблюдал подобную брючную экзекуцию и от товарищей не слышал о таком.

Но ведь просто гулять - скучно. Особенно, если в мальчишеской компании, и если тебе всего 14-15 лет. Вот и озорничали, но, в общем-то, безобидно. Помнится, двое моих однокашников даже в милицию попали. А дело было так. Вовка и Пашка (фамилии вам ничего не скажут) однажды напялили на себя материнские пальто, платки, ботики и вышли на «Брод», изображая таких «веселых вдов». Приставали к знакомым парням, заигрывали, хихикали. В общем - отрывались, как могли. Ну и заинтересовали стражей порядка. Прихватили их, несчастных, в милиции сфотографировали, а снимки позже в школу отослали. Выручали их из милиции матери со всеми вытекающими последствиями.

Порою, дойдя до «Круглой» (сейчас это здание называют чуть ласковее - «Кругляшка»), заглядывали в киоск, что размещался у входа. Покупали сигареты и шли дальше, независимо попыхивая дымом. Хотя все-таки поглядывали с опаской по сторонам: вдруг увидит кто-то из родительских знакомых.

Кстати, со зданием ресторана связано еще одно смешное воспоминание. В канун праздников над входом здесь вывешивался соответствующий плакат. Как правило, один и тот же. С него на тех, кто шел в ресторан, смотрел улыбающийся

Ильич, а надпись внизу гласила: «Верной дорогой идете, товарищи!» Это несоответствие не могло не вызвать по крайней мере улыбку...

Позже в сквериках зазвучали гитары. И уж обязательно кто-нибудь исполнял этакую шутовскую песенку про Льва Толстого. Одна из вариаций ее звучала так:

*«В имении Ясны Поляны
Жил Лев Николаич Толстой,
Был другом он
местных крестьянов,
Ходил по деревне босой...»*

... Сейчас улица очень изменилась. Но она по-прежнему остается одной из самых зеленых. И уже мощными деревьями стали березы, посаженные вдоль нее в первые послевоенные годы. Но еще долго она оставалась «Бродвеем». Уже для других поколений.

Карьков, В. Серовский «Бродвей» середины XX века / В. Карьков // Серовский рабочий. – 2004. – 13 февраля. – С 3.